

Лян Цзивэнь поспешил обнять его.

— Почему ты ещё не ушёл? — Чжань Цзюцзян обнял Лян Цзивэня за шею, слегка удивлённый.

— Куда мне уходить? Мой большой драгоценность здесь, куда я могу пойти? — Лян Цзивэнь говорил спокойно, хотя внутри был немного взволнован. Этот глупенький, наверное, думал, что он ушёл.

— А как же дела на заводе? — Чжань Цзюцзян, не отпуская шею Лян Цзивэня, наклонился и поцеловал его в щеку. Прижавшись щекой к его щеке, он ласково спросил. — А какой у тебя отпуск?

— На заводе сказали, что можно отдохнуть один день, а потом снова на дневную смену, так что всего два дня отдыха.

— Ох.

Чжань Цзюцзян постарался не показать своего разочарования на лице.

Лян Цзивэнь положил Чжань Цзюцзяна на кровать, сел на край, обняв его за талию. Он слегка прикусил нежную кожу на шее Чжань Цзюцзяна и сказал:

— Я договорился с заводом и взял отпуск на полмесяца. Потом посмотрим, как заживает твоя нога, и возьму ещё несколько дней, чтобы побыть с тобой.

— Правда? — Чжань Цзюцзян старательно сдерживал свой восторг и поцеловал Лян Цзивэня в губы, затем притворно заботливо спросил. — А как же твоя работа? Ты проработал меньше месяца, а уже берёшь такой длинный отпуск. Не станешь ли ты безработным бродягой?

Лян Цзивэнь откинул волосы Чжань Цзюцзяна назад; лёгкое покалывание от кончиков волос заставило его слегка прищуриться. Хотя Лян Цзивэнь выглядел свирепо, у него были миндалевидные глаза, и когда он щурился, взгляд его становился особенно сосредоточенным и серьёзным. Его большие чёрные глаза могли затянуть кого угодно.

— Тогда ты будешь меня содержать, — серьёзно сказал Лян Цзивэнь, глядя в глаза Чжань Цзюцзяну.

Чжань Цзюцзян почувствовал, как сердце пропустило удар. Он был совершенно очарован красотой перед ним. Он бросился к Лян Цзивэню и прикусил его тонкие губы, невнятно проговорив «буду содержать» прямо кончиком языка Лян Цзивэня.

Лян Цзивэнь придержал голову Чжань Цзюцзяна, кончик языка нежно скользил по внутренней стороне его рта, вызывая щекотку. Чжань Цзюцзян от удовольствия вытянул язык, пытаясь оттолкнуть его, но Лян Цзивэнь так легко не сдавался. Он подобрался ближе, обвил язык Чжань Цзюцзяна и слегка коснулся его нёба.

— Ммм...

Чжань Цзюцзян выдал смешок со слезами на глазах. Лян Цзивэня от его слов «буду содержать» распирало от страсти, и он не мог остановиться. Он хотел, чтобы этот человек был пропитан его запахом с головы до ног.

— Лян Цзивэнь...

Чжань Цзюцзян жалобно позвал его. Его глаза блестели от влаги, уголки глаз покраснели, а губы, покусанные Лян Цзивэнем, стали ярко-красными, с капельками слюны в уголках рта и на подбородке.

Лян Цзивэнь глубоко вздохнул, вытер слюну и спросил:

— Хочешь чего-нибудь поесть? Я приготовлю.

— Есть, есть! Ты только и знаешь, что спрашивать, что я хочу есть! Ты что, меня свиньёй кормишь?

Лян Цзивэнь, конечно, не считал его свиньёй, просто боялся, что не сможет сдержаться. Чжань Цзюцзян ещё ничего не понимал, да и нога у него была в таком состоянии... Ему было трудно решиться на дальнейшее.

Лян Цзивэнь потратил всего один полдень, чтобы сделать для Чжань Цзюцзяна кресло-каталку. На плоскую тележку он закрепил лежак с регулируемым углом наклона. Хотя амплитуда была небольшой, это обеспечивало удобную позу и для сидения, и для лежания. Сзади он прикрепил небольшую корзину, чтобы можно было положить туда мелочи, не создавая неудобств для того, кто толкает тележку.

Пока варился суп, Лян Цзивэнь закончил последние штрихи, протёр кресло и начал готовить жаркое.

— Брат Вэнь, что за странное кресло ты сделал? — Цзян Чжаолай помогал Цзян Пинъань мыть овощи. Они жили по соседству и были в хороших отношениях, поэтому он спросил с любопытством.

— После обеда я возьму твоего брата Цзяна на прогулку, и ты пойдёшь с нами — тогда увидишь. — Лян Цзивэнь жарил овощи, сунул в рот Цзян Чжаолаю кусочек картошки и спросил:

— Вкус нормально?

— Как раз, очень вкусно, даже лучше, чем у моей мамы и сестры. — Цзян Чжаолай проглотил картошку и всё ещё хотел есть, облизнув губы.

— Если тебе не нравится, как я готовлю, тогда готовь сам! — Характер Цзян Пинъань был немного похож на характер Лян Тин, но без её дерзости; она больше походила на сестру Цзян — была сильной и решительной.

— Я такого не говорил, это ты сама так подумала.

— А ты подразумевал именно это! Если ты такой мастер, тогда иди и готовь, а не болтай языком. Ты только умеешь говорить, но я ни разу не видел, чтобы ты готовил. Если ты такой крутой, тогда и готовь ужин!

— Не буду, я же буду солдатом, мне не нужно заниматься этими женскими делами. — Цзян Чжаолай немного побаивался своей сестры, но у них были именно такие отношения: когда ссорились, готовы были перебить друг друга, а когда ладили — не могли оторваться друг от друга.

— Что за «женские дела»? Посмотри на брата Цзяна и брата Вэня, они сами готовят! Или ты,

когда будешь воевать, есть не будешь? Я тебе говорю, тогда вообще не ешь, зачем ты ешь то, что приготовили женщины?

Брат и сестра снова начали свою ежедневную перепалку. Лян Цзивэнь смотрел на это с интересом. Девушки в их семье были сильными, особенно маленькая Лян Тин, которая с детства держала всех малышей в узде. Он никогда не видел, чтобы братья и сёстры так ругались.

— Твою мать, ты...

— А твою мать... ты просто...

Ссора переросла в ругань с матом. Лян Цзивэнь нахмурился, собираясь остановить их, но сестра Цзян оказалась быстрее. Она большими шагами, стремительно направляясь домой, услышала, как брат с сестрой ругаются, подошла и дала каждому пощёчину, крикнув:

— Какое «твою мать», «твою мать»? Разве ваша мама — это не я? Вы друг на друга ругаетесь, а получается, что на меня! Это вы меня проклинаете! Ещё и хитрым способом!

Лян Цзивэнь: «...» Не удивительно, что ему всегда казалось, что это звучит как-то странно.

За едой Лян Цзивэнь рассказал эту историю Чжань Цзюцзяну, и тот смеялся до слёз, хватая ртом воздух:

— Эти двое несчастных, ругаются и ругаются, а получается, что сами себя матерят, и ещё так приятно! Ха-ха-ха...

В их семье такое было практически невозможно, там воспитание было строгим, старшие братья и сёстры пользовались авторитетом, и чувства между всеми были хорошими. Не то чтобы у семьи Цзян отношения были плохими, просто они выражали их по-другому.

— Давай быстрее ешь, потом я поведу тебя гулять, только не поперхнись. — Сказав это, Лян Цзивэнь налил Чжань Цзюцзяну суп.

— Ха-ха-ха, кх-кх-кх...

Сказано — сделано: Чжань Цзюцзян поперхнулся. Во рту были рисинки, он засмеялся, и они попали в дыхательные пути, причинив ему сильный дискомфорт.

Лян Цзивэнь поспешил похлопать его по спине и напоить водой, лишь тогда «спас» его.

— В следующий раз, когда ешь, не разговаривай! — Хотя сам Чжань Цзюцзян был непослушным, он всё же свалил вину на Лян Цзивэня. — Во всём виноват ты, сказал, что поперхнусь, вот я и поперхнулся. В следующий раз за столом не говори плохих слов.

Лян Цзивэнь чуть не закатил глаза!

Этот несносный ребёнок!

— Брат Цзян, ты поел? Когда мы пойдём гулять? — Цзян Чжаолай поел, немного подождал дома и, услышав шум у Чжань Цзюцзяна, прибежал спросить.

— Как только помою посуду, мы можем идти. — Лян Цзивэнь ответил за Чжань Цзюцзяна.

— А, тогда я помогу тебе помыть, я мою посуду очень быстро! — Старая госпожа Цзян долгое время лежала в постели, а у сестры Цзян было много дел, поэтому домашние хлопоты лежали на Цзян Чжаолае и Цзян Пинъань. Он убрался дома, помыл посуду, протёр стол и только потом пришёл.

— Не нужно, иди поболтай с братом Цзяном. — Лян Цзивэнь мыл посуду быстро: натёр древесной золой, и через несколько минут всё было готово. Он нашёл две куртки для Чжань Цзюцзяна, усадил его в кресло-каталку и крикнул Цзян Пинъань:

— Пинъань, мы уходим.

— Иду.

Цзян Пинъань училась в школе, а дома, заканчивая дела, помогала бабушке с мелкой ручной работой, которую брали в уличном комитете. Работы всегда было много людей, а дела — мало. Хотя старая госпожа Цзян была в годах и ноги почти отказали, глаза у неё ещё не слепили, а руки и ноги были довольно проворными, работа была тщательной, поэтому люди охотно давали ей задания.

<http://bllate.org/book/16557/1511291>